

Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность в романтических и супружеских отношениях

Фурманов И.А.

Белорусский государственный университет

Теория привязанности предполагает, что внутренние рабочие модели Я и Других связаны с четырьмя стилями привязанности: надежным, отвергающим, озабоченным и опасливым. Стили привязанности могут влиять на склонность испытать ревность.

Цель статьи – выявить различия во взаимосвязях стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность.

Материал и методы. Материалом послужили результаты корреляционного анализа стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность. В работе использован следующий комплекс психодиагностических методик: методика «Шкала взрослой привязанности» и методика «Коммуникативные реакции на ревность».

Результаты и их обсуждение. В статье отмечается, что независимо от статуса в близких отношениях индивидов с надежным стилем привязанности в ситуации, вызывающей ревность, отличает склонность к интегративной коммуникации и избегание контактов с соперником, индивидов с отвергающим стилем привязанности – негативная аффективная экспрессия, предпочтение компенсационных действий, отказ от контактов с соперником и насильственных форм взаимодействия с партнерами, индивидов с озабоченным стилем привязанности – стратегии негативной аффективной экспрессии и избегания/отрицания, индивидов с опасливым стилем привязанности – неприятие насильственных форм коммуникации и использование угроз.

Заключение. Индивиды, находящиеся в романтических отношениях, с озабоченным и отвергающим стилями привязанности и индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, с отвергающим стилем привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. Партнеры, находящиеся в романтических и супружеских отношениях и принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Ключевые слова: надежный, озабоченный, отвергающий, опасливый стили привязанности, коммуникационные реакции на ревность, романтические и супружеские отношения.

Relations of Attachment Styles and Communicative Reactions to Jealousy in Romantic and Marital Relations

Fourmanov I.A.

Belarusian State University

The attachment theory assumes that internal working models of Self and Others are connected with four styles of attachment: secure, preoccupied, dismissing and fearful. Attachment styles can influence the tendency to test jealousy.

The purpose is to detect differences in the relations of attachment styles and communicative reactions to jealousy.

Material and methods. As a material results of the correlation analysis of styles of attachment and communicative reactions to jealousy served. The following complex of psychodiagnostic methods is used in the paper: Scale of Adult Attachment and Communicative Reactions to Jealousy.

Findings and their discussion. In the article it is pointed out that irrespective of the status in close relations of individuals with secure attachment style in a situation causing jealousy, the tendency to integrative communications and avoiding rival contacts is distinguished; individuals with dismissing attachment style exhibit a negative affective expression, preference of compensatory restoration, refusal of rival contacts and violent forms of interaction with partners; individuals with the preoccupied attachment style – strategy of a negative affective expression and avoidance/denial, individuals with fearful attachment style – rejection of violent forms of communications and use of threats.

Conclusion. The romantic individuals with preoccupied and dismissing attachment styles and marital individuals with dismissing attachment style most intensively and variously react to the situation of jealousy provocation. The partners which are both in romantic and marital relations with various attachments types are distinguished by certain jealous reactions.

Key words: secure, preoccupied, dismissing and fearful attachment styles, communicative reactions to jealousy, romantic and marital relations.

Теория привязанности постулирует, что взаимодействия детей с их попечителями (родителями, воспитателями) формируют ментальные (внутренние рабочие) модели себя и других. Эти модели представляют собой когнитивные схемы, которые основываются на внутренних репрезентациях о том, как привязанность в отношениях должна функционировать. Их активация происходит, когда возникает угроза привязанности в отношениях. Ментальные модели также определяют поведение взрослых, особенно когда они переживают стресс или негативный аффект [1]. С. Hazan и Р. Shaver [2] утверждали, что взрослые обладают теми же самыми типами привязанности, как и дети.

Помимо этого, теория привязанности предполагает, что внутренние рабочие модели могут повлиять на склонность испытать ревность. Ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента [3; 4].

Романтические отношения – это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров с целью продолжать отношения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет отношения или пока не будут установлены другие формы отношений (сожительство, помолвка, брак) [5]. Данный вид отношений включает различные компоненты: выраженную взаимную направленность партнеров друг на друга; наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений; интимность [6]. Таким образом, романтические отношения – это непрерывный процесс взаимодействия между двумя партнерами, которые признают определенную связь друг с другом. Романтические отношения характеризуются добровольностью, то есть возникают на основании личного выбора субъекта и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой является *аттракция*, привлекательность партнера, которая зачастую может приобретать форму страсти и мотивировать к сексуальной близости.

Супружеские (брачные) отношения – социально или ритуально признанные легальные отношения между супругами, которые регламентированы определенными правами, определяющими взаимодействие между ними, между ними и их детьми и ближайшими родственниками. Основная отличительная особенность супружеских отношений от романтических – то, что эти отношения являются зарегистрированными, т.е. оформленны-

ми в соответствующих органах государственной власти. Помимо этого в супружеских отношениях могут отсутствовать некоторые компоненты, характерные для романтических отношений.

Исследования показывают, что существуют различия в проявлениях ревности в романтических и супружеских отношениях. В частности, было установлено, что ревность более распространена в романтических отношениях, нежели в брачных [7; 8]. В брачных отношениях партнеры, вероятнее всего, чувствуют себя более спокойными и уверенными и поэтому меньше волнуются о конкурентах. При романтических отношениях, напротив, более вероятно, что партнеры пребывают в неизвестности по поводу намерений и действий друг друга, а также будущности их отношений [9]. С. Kennedy-Lightsey и М. Booth-Butterfield [10] обнаружили различия в мотивах ревности в романтических и супружеских отношениях и установили, что ситуация романтических отношений чаще вызывает ревность и чувство беспокойства, чем ситуация брачных отношений.

Теоретически и эмпирически обоснованное осмысление связи между ментальными моделями и типами привязанности было предложено К. Bartholomew [11; 12], который выделил четыре отличных друг от друга типа привязанности. Каждый из них позиционируется различной комбинацией моделей Я и Других. *Надежный (secure) стиль привязанности* характеризуется позитивными моделями себя и других, уверенностью в себе и интересом к установлению и поддержанию отношений. *Озабоченный (preoccupied) тип привязанности* (схожий с тревожно-амбивалентным) отличается негативной моделью Я, но позитивной моделью Других. Следовательно, индивиды с этим типом привязанности имеют сильные потребности во внешнем подтверждении, хотя бы чрезвычайно близких отношений и часто озабочены этими отношениями. *Отвергающий (dismissing) тип привязанности* предполагает позитивную модель себя, но негативную модель других. Поэтому отвергающие не интересуются развивающимися привязанностями к другим. Вместо этого отвергающие часто сосредотачиваются на работе или хобби и развивают модель себя как абсолютно самостоятельную [11; 13; 14]. *Опасливый (fearful) тип привязанности* характеризуется негативными моделями как себя, так и других. У этих индивидов есть несовместимые потребности. С одной стороны, они ищут внешнее подтверждение (признание) и желают близости в отношениях, но с другой – они не доверяют другим и боятся отвержения. Многим из них причинили боль в прошлых отношениях и они не хотят поставить себя под угрозу снова.

N.L. Collins и S.J. Read [15] утверждали, что стиль коммуникации индивида создает социальную среду, которая навсегда сохраняет ожидаемые последствия и укрепляет ментальные модели. В случае переживания ревности индивиды могут совершать действия, которые укрепляют их высокие или низкие уровни самоуважения, а также их позитивные или негативные установки к налаживанию отношений близости.

Было установлено, что некоторые отношения характеризуются большим количеством ревности, чем другие. В свое время G.L. White и P.E. Mullen [16] предположили, что теория привязанности может помочь объяснить, почему некоторые отношения досаждают большей интенсивностью ревности, чем другие. Определенно, ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, вероятно, регулируют и то, как переживается ревность. В частности, исследования последовательно демонстрируют, что люди с тревожным стилем привязанности испытывают больше ревности, чем люди с надежными стилями [17–19]. Кроме того, C. Radecki-Bush с коллегами [20] выявил, что люди, которые обладали тревожными стилями привязанности, оценивали угрозы отношениям как более серьезные, чем люди с надежными стилями привязанности. В свою очередь, более высокие оценки угрозы коррелировали с более негативными эмоциональными реакциями.

Ревность редко переживается исключительно внутрличностно. Чаще всего ревность также выражается посредством действий и межличностного общения. Было выявлено, что межличностное общение изменяется в зависимости от названных выше четырех типов привязанности. В исследованиях заботливого поведения L.J. Kuncie и P.R. Shaver [21] установили, что надежные и озабоченные индивиды обеспечивали своих партнеров наибольшим физическим комфортом. Надежные также были максимально самыми чувствительными к потребностям их партнеров. Озабоченные и опасующиеся сообщили о чрезмерно навязчивых паттернах заботы.

Точно так же, как типы привязанности обладают различиями в эмоциональном выражении и межличностном общении [13; 18; 22], обнаруживаются отличия и в том, как индивиды с разными стилями привязанности выражают ревность.

В настоящий момент существует только одно исследование, посвященное изучению связи категории стиля привязанности и показателей выражения ревности. По мнению L.K. Guergero и коллег [23], выражение ревности включает действия как спонтанного выражения эмоции ревности, так и стратегической коммуникации, которая направ-

лена на других. Был определен ряд типов коммуникационных реакций на ревность, которые являются релевантными выражению ревности. В результате проведенного исследования было установлено, что индивиды с различными типами привязанности разнятся по использованию этих коммуникационных реакций на ревность, а ментальные модели, которые лежат в основе типов привязанности, регулируют выражение эмоции и отражают тенденции к приближению или уходу от других [22].

Точно также единственным в своем роде является исследование И.А. Фурманова [24], доказывающее существенные различия в стратегиях совладания с ревностью партнеров, находящихся в романтических и супружеских отношениях.

Вместе с тем указанные исследования обладают существенным ограничением – они не учитывают отличий в реакциях на ситуацию ревности партнеров с различным статусом в близких межличностных отношениях в зависимости от стилей привязанности.

Все вышеизложенное дает основания предполагать, что вариативность реакций на ревность романтических партнеров и супругов предоставит прекрасную возможность исследовать различия в стилях привязанности, поскольку ревность является одним из самых сильных переживаний людей, испытываемых в близких межличностных отношениях. Кроме того, есть веские причины ожидать, что существуют значительные различия в связях стилей привязанности и способов выражения ревности партнеров по близким межличностным отношениям.

Цель работы – выявить различия во взаимосвязях стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность.

Материал и методы. Для определения стилей привязанности и способов выражения ревности в близких межличностных отношениях использовались следующие методики:

Методика «Шкала взрослой привязанности» («AAS» – Adult Attachment Scale) [15], адаптированная И.А. Фурмановым [24]. Опросник состоит из 18 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта. Устанавливает выраженность трех типов привязанности: близость, зависимость, тревога. Использование четвертого измерения – избегания, согласно рекомендации авторов методики [25], позволило соотнести полученные стили с категориями стилей привязанности в модели K. Bartolomew и L. Horowitz [13]: надежным (близость), опасливым (зависимость), озабоченным (тревога), отвергающим (избегание).

Методика «Коммуникативные реакции на ревность» («CRJ» – Communicative Responses

to Jealousy), разработанная L.K. Guerrero и коллегами и адаптированная и валидизированная И.А. Фурмановым и А.О. Вергейчик [26]. Данный опросник состоит из 52 суждений, каждое из которых оценивается по 7-балльной шкале Лайкерта. Выявляет 10 типов интерактивных реакций на ревность: активное дистанцирование, негативная аффективная экспрессия, интегративная коммуникация, дистрибутивная коммуникация, избегание/отрицание, насильственная коммуникация/угрозы, контроль/ограничение, компенсация/замещение, манипуляция, контакт с соперником.

В исследовании приняло участие 507 человек (состоящих в романтических отношениях, $N = 319$; состоящих в супружеских отношениях, $N = 188$). Средний возраст 28,5 лет. Рассчитывался коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи стилей привязанности (СП) и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях (рисунок 1):

- *надежный стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,21$; $p \leq 0,001$); дистрибутивной коммуникацией ($r = -0,19$; $p = 0,001$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,12$; $p = 0,027$) и контактом с соперником ($r = -0,12$; $p = 0,037$);

- *опасливый стиль привязанности* – с активным дистанцированием ($r = -0,11$; $p = 0,047$) и насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,26$; $p \leq 0,001$);

- *озабоченный стиль привязанности* – с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,13$; $p = 0,026$); дистрибутивной коммуникацией ($r = 0,12$; $p = 0,038$); избеганием/отрицанием ($r = 0,15$; $p = 0,008$); контролем/ограничениями ($r = 0,15$; $p = 0,007$) и компенсацией/замещением ($r = 0,23$; $p \leq 0,001$);

- *отвергающий стиль привязанности* – с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,12$; $p = 0,038$); интегративной коммуникацией ($r = 0,20$; $p \leq 0,001$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,21$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,23$; $p \leq 0,001$) и контактом с соперником ($r = -0,27$; $p \leq 0,001$).

Анализ количества положительных корреляционных связей показал, что индивиды, находящиеся в романтических отношениях, с озабоченным и отвергающим стилями привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. В наименьшей степени склонны откликаться на ситуацию провокации ревности опасливые и надежные индивиды.

Вместе с тем следует отметить, что партнеры, находящиеся в романтических отношениях и принадлежащие к различным типам привязанно-

сти, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Надежные индивиды (позитивные модели Я и Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером.

Отвергающие индивиды (позитивная модель Я и негативная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. С одной стороны, открыто выражают негативные эмоции, с другой – используют прямую, просоциальную коммуникацию с партнером, прилагают усилия к решению проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, а также прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него.

Озабоченные индивиды (негативная модель Я и позитивная модель Других) обладают достаточно противоречивым арсеналом коммуникационных стратегий межличностного взаимодействия в ситуациях, вызывающих ревность [27]. С одной стороны, они используют такие достаточно агрессивные стратегии, как открытое выражение негативных эмоций, попытки решения проблемы ревности через конфликтное взаимодействие, используя прямую, асоциальную коммуникацию с партнером, действия с целью контроля поведения партнеров и ограничение их доступа к конкурентам, с другой – либо прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него, либо используют не прямые действия с тем, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Опасющиеся индивиды (негативная модель Я и негативная модель Других) не имеют сколь угодно отчетливо выраженных реакций на ситуацию ревности.

Корреляционный анализ также позволил выявить взаимосвязи стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в супружеских отношениях (рисунок 2):

- *надежный стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,26$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,25$; $p \leq 0,001$) и контактом с соперником ($r = -0,35$; $p \leq 0,001$);

- *опасливый стиль привязанности* – с интегративной коммуникацией ($r = 0,19$; $p = 0,009$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,29$; $p \leq 0,001$); компенсацией/замещением ($r = 0,17$; $p = 0,022$) и контактом с соперником ($r = -0,16$; $p = 0,026$);

- *озабоченный стиль привязанности* – с негативной аффективной экспрессией ($r = 0,28$;

$p \leq 0,001$) и избеганием/отрицанием ($r = 0,18$; $p = 0,014$);

– *отвергающий стиль привязанности* – активным дистанцированием ($r = 0,20$; $p = 0,007$); негативной аффективной экспрессией ($r = 0,16$; $p = 0,027$); избеганием/отрицанием ($r = 0,19$; $p = 0,009$); насильственной коммуникацией, угрозами ($r = -0,22$; $p = 0,003$); компенсацией/замещением ($r = 0,17$; $p = 0,023$) и контактом с соперником ($r = -0,28$; $p \leq 0,001$).

Детальный анализ показывает, что индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, с отвергающим стилем привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности.

Однако можно обратить внимание, что индивиды, находящиеся в супружеских отношениях и принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Надежные индивиды (позитивные модели Я и Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, а также прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Отвергающие индивиды (позитивная модель Я и негативная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. С одной стороны, открыто выражают негативные эмоции, неприятие, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к ней/нему, с другой – либо прилагают усилия угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для него; либо, напротив, используют не прямые действия, предназначенные для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Озабоченные индивиды (негативная модель Я и позитивная модель Других) отличаются амбивалентностью ревнивых реакций. Они с одинаковым успехом применяют как открытое выражение негативных эмоций, так и не прямые действия, предназначенные для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Опасаящиеся индивиды (негативная модель Я и негативная модель Других) отдают предпочтение прямой, просоциальной коммуникации с партнером, предпринимают попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, а также прилагают усилия для того, чтобы угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать

более привлекательным и притягательным для нее/него.

Обобщив полученные данные, можно выявить сходства и различия во взаимосвязях стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у партнеров по романтическим и супружеским отношениям.

Вне зависимости от статуса в гендерных отношениях индивидов с *надежным стилем привязанности* в ситуации, вызывающей ревность, отличает склонность к интегративной коммуникации и избегание контактов с соперником. Вместе с тем партнеры по супружеским отношениям в сравнении с романтическими партнерами склонны к компенсационным действиям и неприятию таких стратегий, как дистрибутивная и насильственная коммуникация.

Надежный стиль привязанности характеризуется чувством комфорта и в близких, и в автономных отношениях, высоким показателем самооценности и самоуважения, способностями установления близких и удовлетворяющих личных отношений, ожиданием, что другие люди обладают отзывчивостью и добротой. Исходя из этого, их коммуникация должна опираться на позитивное представление о других и, следовательно, привести к дружественному, аффилиативному стилю социального взаимодействия. Кроме того, поскольку они, вероятно, будут более гибкими и приспособленными к различным ситуациям и партнерам по отношениям [13], то просоциальная коммуникация с партнером и активные попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером/супругом представляются вполне закономерными. В других исследованиях также отмечается, что стратегия сотрудничества, которая предполагает сильное беспокойство по поводу себя и других в конфликтных ситуациях, значимо связана с надежным стилем привязанности [28].

Кроме того, имея позитивные модели Я и Других, надежные индивиды, вероятно, в ситуации ревности больше концентрируются на себе и партнере, а не на конкуренте, тем самым пытаясь разрушить реальный или воображаемый «любви́нный треугольник».

Партнеры с *отвергающим стилем привязанности* как в романтических, так и супружеских отношениях в ситуации ревности отличаются негативно-экспрессивным реагированием, предпочтением компенсационных действий, отказом от контактов с соперником и насильственных форм взаимодействия с партнерами. При этом романтические партнеры выделяются интегративной коммуникацией, в то время как супруги используют стратегии активного дистанцирования или избегания.

Отвергающий стиль привязанности также характеризуется довольно высоким чувством самоценности, уверенности человека в себе, убежденностью, что он достоин любви. Однако этот стиль также характеризуется недоверием и негативным отношением к другим людям. Как отметили К. Bartholomew и L.M. Horowitz [13], отвергающие защищают себя от разочарования, избегая близких отношений и поддерживая чувство независимости и неуязвимости.

В некоторых исследованиях отмечается, что из четырех типов стиля привязанности отвергающие чаще всего рассматривают отношения как вторичные [18; 29]. Корреляции показали, что ревнивые индивиды, которые воспринимают отношения как вторичные, склонны испытывать низкие уровни страха и печали, а также редко выражать негативный аффект. Помимо этого, те, кто рассматривает отношения как вторичные, также вряд ли ответят на ревность реакциями интегра-

тивной коммуникации или компенсационного восстановления. Эти индивиды, возможно, не считают, что это стоит их времени и усилий, направленных на поддержание отношений [18].

С результатами данных исследований можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, низкие уровни страха и печали могут как раз быть результатом выражения отвергающими партнерами негативного аффекта, чем достигается эмоциональное уравнивание. Во-вторых, поскольку ревность возникает в случае угрозы или фактической потери ценных, значимых отношений с другим человеком, из-за существования реального или воображаемого конкурента, то это может расцениваться отвергающими как угроза их самоценности и самооценке. Поэтому хотя отвергающие являются противниками зависимых отношений, они испытывают потребность в принятии другими и поддержании позитивного самоуважения и защиты себя от негативных переживаний

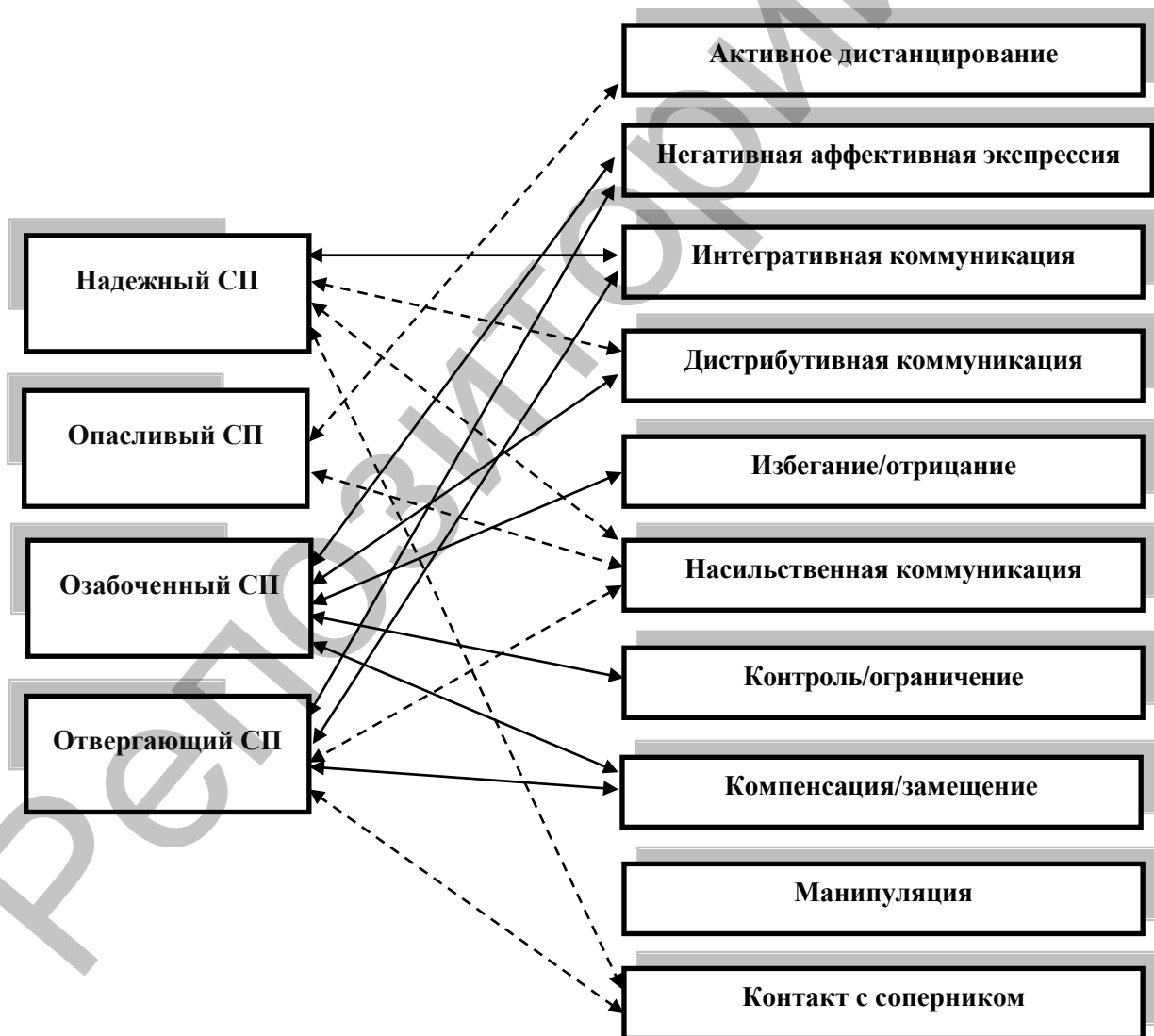

Рисунок 1 – Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в романтических отношениях

в ситуации, вызывающей ревность, предпринимают попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Использование интегративной коммуникации в романтических отношениях может быть объяснено с точки зрения теории редукции неопределенности [30; 31]. Согласно данной теории многообразные ситуации, связанные с ревностью, могут быть сопряжены с различной степенью неопределенности о себе, партнере и/или отношениях, создавая сомнение и тем самым стимулируя определенные коммуникационные реакции. Иными словами, в ситуациях с высокой неопределенностью партнеры пытаются ее снизить, вступая в коммуникацию.

В связи с тем, что существуют различия в степени неопределенности, связанной с типом отношений, было сделано предположение, что находящиеся в браке, серьезно встречающиеся и встречающиеся время от времени партнеры будут

по-разному испытывать и выражать ревность. Во время начальных стадий отношений степень неопределенности в целом выше, чем тогда, когда отношения основываются на взаимной преданности и долженствовании как, например, в браке [31].

Супружеские отношения из-за их брачного статуса имеют большую определенность по поводу своих собственных желаний оставаться включенными в эти отношения (самоопределенность), желаний их партнера продолжать отношения (определенность партнера) и/или норм отношений вообще (определенность отношений). В связи с этим отвергающие индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, имея негативную модель других, с большей вероятностью будут участвовать в действиях типа «избегания», которые предназначены, чтобы защитить себя от интенсивных чувств и/или поддержать соответствующее психологическое расстояние между собой и партнером по отношению [18]. Поэтому использование таких стратегий, как активное дистанци-

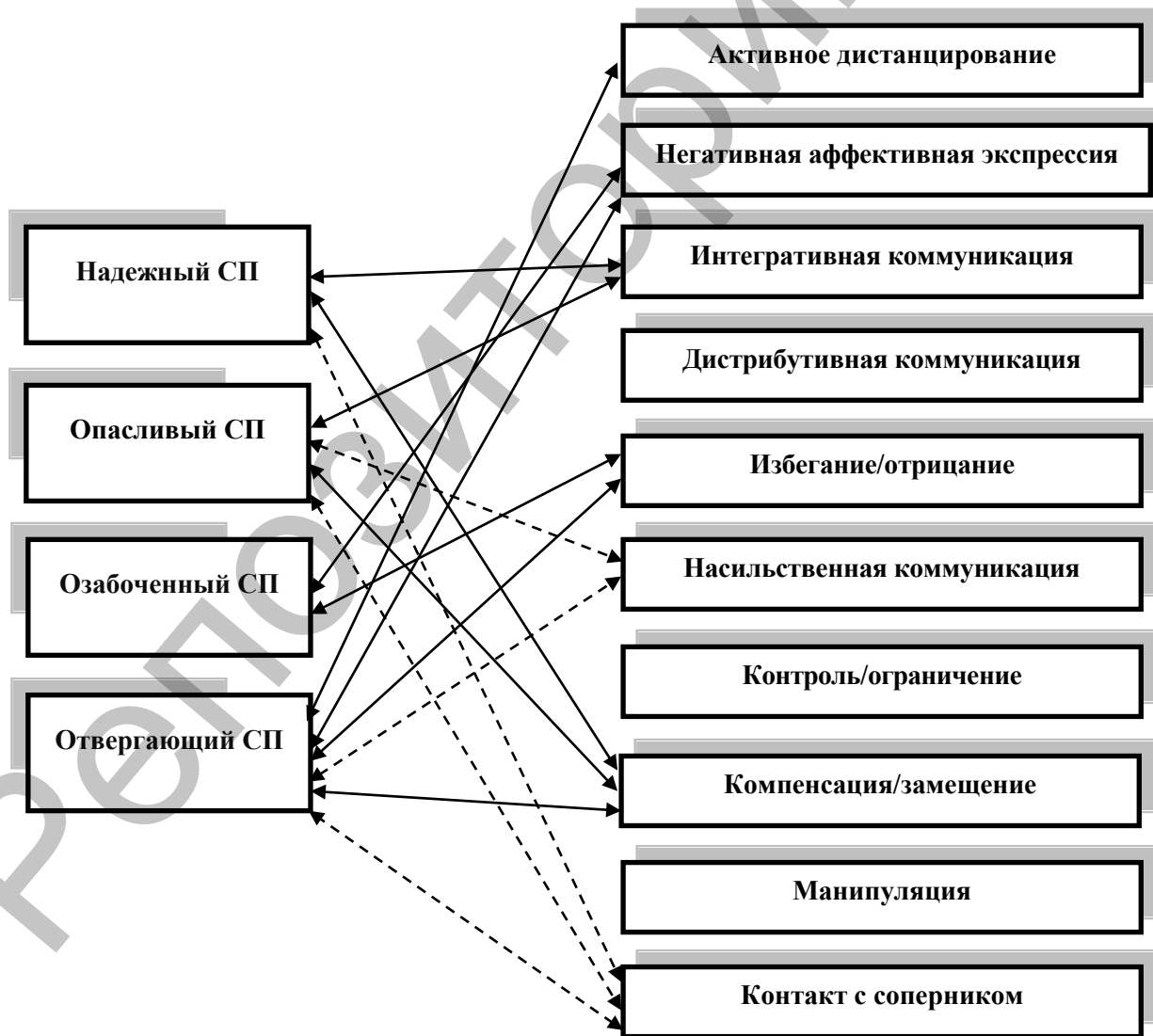

Рисунок 2 – Взаимосвязь стилей привязанности и коммуникационных реакций на ревность у индивидов, находящихся в супружеских отношениях

рование (выражение неприятия, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему) и избегание/отрицание (непрямые действия, предпринимаемые для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью), являются вполне допустимыми.

Независимо от статуса в гендерных отношениях индивиды с *озабоченным стилем привязанности* используют стратегии негативной аффективной экспрессии и избегания/отрицания. Вместе с тем романтических партнеров отличает обращение к дистрибутивной коммуникации, контролю/ограничениям и компенсационному поведению.

Озабоченные индивиды, обладая позитивной моделью Других, будут очень аффилиативными, но менее гибкими, чем надежные. K. Bartholomew [11] утверждал, что озабоченные обладают низким уровнем самоуважения и чрезмерно зависят от их партнеров по отношениям. Эта зависимость обусловлена сильной потребностью в получении одобрения других и укреплении самооценки. При отсутствии близких отношений озабоченные чувствуют себя потерянными, нелюбимыми и неспособными справиться с такой ситуацией. Скорее всего они будут предпринимать усилия, чтобы удовлетворить потребность в зависимости, будут цепляться за отношения и сопротивляться любым попыткам партнера деэскалации или прекращения их близких отношений. Эти сильные потребности в аффилиации и внешней валидации, вероятно, и будут мотивировать их к интенсивному выражению негативных эмоций или, наоборот, к действиям, предпринимаемым для того, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью.

Как отмечают исследования [18], уникальная комбинация позитивной модели Других и негативной модели Я может привести к печали, выражению негативного аффекта, контролирующего поведения и, возможно, зависти. Озабоченные сообщают о большей интенсивности печали, отличаются более сильным выражением негативного аффекта и более частым участием в слежке, чем это делали представители других типов привязанности. Кроме того, озабоченность была положительно связана с компенсационным восстановлением, негативным выражением аффекта и слежкой [2]. Таким образом, негативные модели Я могут вынудить озабоченных испытывать относительно высокие уровни когнитивной ревности, страха, печали и зависти и выражать эти переживания невербально. Ощущение опасности может также побудить их участвовать в контролирующем поведении, особенно потому, что они, вероятно, будут чувствовать высокие уровни беспокойства и неопределенности отношений.

Озабоченные могут чаще использовать компенсационное восстановление из-за их сильной потребности поддерживать отношения. Утверждается, что ревнивые индивиды, которые более заинтересованы в поддержании их отношений, чем в поддержании их самоуважения, вероятно, будут «цепляться» за свои отношения [18] (Guerrero, 1998).

Поскольку отношения романтических партнеров как раз и отличаются высокими уровнями беспокойства и неопределенности отношений, индивиды с озабоченным стилем привязанности, вероятно, используют действия типа «сближения», которые концентрируются на сохранении отношений. Именно поэтому они будут демонстрировать компенсаторное поведение, т.е. предпринимать попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное; доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Вместе с тем исследования показывают [18], что озабоченные индивиды переживают больше когнитивной ревности. Возможно, негативные модели Я принуждают озабоченных делать больше социальных сравнений и судить о себе как менее желанных, чем потенциальные конкуренты. В связи с этим они могут рассмотреть своих партнеров как обладающих более привлекательными альтернативами, и это может заставить их волноваться о потере партнеров в пользу потенциальных конкурентов. Поэтому они могут использовать прямую, асоциальную коммуникацию с партнером и направить свои усилия на удержание партнера, решая проблемы ревности через конфликтное взаимодействие с партнером.

Когнитивные подозрения и беспокойство могут усиливать проблему ревности, снижая уровень доверительности озабоченных романтических партнеров и тем самым укреплять их негативные модели Я. Для того, чтобы избавиться от страха потери своих партнеров в пользу конкурентов, озабоченные могут предпринимать такие действия, как контроль поведения партнеров и ограничение их доступа к конкурентам.

Корреляционные связи показателей *опасного стиля привязанности* и коммуникационных реакций на ситуацию ревности у индивидов, находящихся в романтических и супружеских отношениях, существенно разнятся. Общими являются только неприятие насильственных форм коммуникации и использование угроз. Вместе с тем романтические партнеры отличаются негативным отношением к стратегии активного дистанцирования. В свою очередь для супружеских отношений характерны склонность к интегративной ком-

муникации и компенсационному восстановлению, а также избегание контактов с соперником.

Опасаящиеся индивиды находятся в самом сложном положении, поскольку должны бороться с несовместимыми чувствами и желаниями. С одной стороны, они ищут внешнюю валидизацию и близкие отношения, а с другой – не доверяют другим и испытывают страх отвержения [11]. Существование этих противостоящих тенденций обусловлено наличием негативных моделей Я и Других. Они рассматривают себя как недостойных любви, а других как неприемлемых. Как ни странно, но, отказываясь рискнуть и сделать себя уязвимым для других, они лишают себя возможности для установления доверительных, близких отношений, которые смягчили бы их страхи. Исходя из этого, в стилях коммуникации индивидов с опасливым типом привязанности должна отражаться тенденция любыми способами избегать социальных ситуаций, сопряженных с повышением тревоги и страхом отвержения в отношениях [22].

Опасаящиеся индивиды, имея негативные модели себя и других, склонны испытывать страх близости [11; 12; 18]. Однако в супружеских отношениях индивиды, которые боятся близости, могут пытаться не увеличивать физическую и психологическую дистанцию между собой и их партнерами, чтобы избежать страдания или отвержения, а, наоборот, сокращать ее с тем, чтобы сохранить брак. Именно поэтому они стремятся к просоциальной коммуникации с партнером, принимая попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с партнером, угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, доказать свою любовь партнеру, стать более привлекательным и притягательным для нее/него.

Заключение. Индивиды, находящиеся в романтических отношениях, с озабоченным и отвергающим стилями привязанности и индивиды, находящиеся в супружеских отношениях, с отвергающим стилем привязанности наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. Детальный анализ показывает, что они наиболее интенсивно и разнообразно реагируют на ситуацию провокации ревности. Вместе с тем партнеры, находящиеся в романтических и супружеских отношениях и принадлежащие к различным типам привязанности, отличаются определенными ревнивыми реакциями.

Вне зависимости от статуса в гендерных отношениях индивидов с надежным стилем привязанности в ситуации, вызывающей ревность, отличает склонность к интегративной коммуникации и избегание контактов с соперником. Вместе с тем партнеры по супружеским отношениям в сравнении с романтическими партнерами склон-

ны к компенсационным действиям и неприятию таких стратегий, как дистрибутивная и насильственная коммуникация.

Партнеры с *отвергающим стилем привязанности* как в романтических, так и супружеских отношениях в ситуации ревности отличаются негативно-экспрессивным реагированием, предположением компенсационных действий, отказом от контактов с соперником и насильственных форм взаимодействия с партнерами. При этом романтические партнеры выделяются интегративной коммуникацией, в то время как супруги используют стратегии активного дистанцирования или избегания.

Независимо от статуса в гендерных отношениях индивиды с *озабоченным стилем привязанности* используют стратегии негативной аффективной экспрессии и избегания/отрицания. Вместе с тем романтических партнеров отличает обращение к дистрибутивной коммуникации, контролю/ограничениям и компенсационному поведению.

Корреляционные связи показателей *опасливого стиля привязанности* и коммуникационных реакций на ситуацию ревности у индивидов, находящихся в романтических и супружеских отношениях, существенно разнятся. Общим является только неприятие насильственных форм коммуникации и использование угроз. Вместе с тем романтические партнеры отличаются негативным отношением к стратегии активного дистанцирования. В свою очередь для супружеских отношений характерны склонность к интегративной коммуникации и компенсационному восстановлению, а также и избегание контактов с соперником.

Литература

1. Simpson, J.A. Stress and secure base relationships in adulthood / J.A. Simpson, W.S. Rholes // *Advances in personal relationships: Vol. 5. Attachment processes in adulthood*. K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA: Kingsley. York: Basic Books, 1994. – P. 181–204.
2. Hazan, C. Conceptualizing romantic love as an attachment process / C. Hazan, P. Shaver // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – Vol. 29. – P. 270–280.
3. Buunk, B.P. Jealousy as a function of rival characteristics and type of infidelity / B.P. Buunk, P. Dijkstra // *Personal Relationships*. – 2004. – Vol. 11(4). – P. 395–409.
4. Dijkstra, P. Jealousy as a function of rival characteristics: An evolutionary perspective / P. Dijkstra, B.P. Buunk // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1158–1166.
5. Sousa, C. Teen Dating Violence. The Hidden Epidemic / C. Sousa // *Family and Conciliation Courts Review*. – 1999. – Vol. 37 (3). – P. 356–374.
6. Клецина, И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика / И.С. Клецина. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 286–290.
7. Guerrero, L.K. Hers or his? The experience and communication of jealousy in close relationships / L.K. Guerrero, S.V. Eloy, P.F. Jorgensen, P. Andersen // *Interpersonal communication: Evolving interpersonal relationships*. P. Kalbfleisch (Ed.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – P. 109–132.

8. Aylor, B. Antecedents in romantic jealousy experience, expression, and goals / B. Aylor, M. Dainton // *Western Journal of Communication*. – 2001. – Vol. 65. – P. 370–391.
9. Knobloch, L.K. Information seeking beyond initial interactions: Negotiating relational uncertainty within close relationships / L.K. Knobloch, D.H. Solomon // *Human Communication Research*. – 2002. – Vol. 28. – P. 243–257.
10. Kennedy-Lightsey, C. Responses to jealousy situations that evoke uncertainty in married and dating relationships / C. Kennedy-Lightsey, M. Booth-Butterfield // *Communication Quarterly*. – 2011. – Vol. 59. – P. 255–275.
11. Bartholomew, K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective / K. Bartholomew // *Journal of Social and Personal Relationship*. – 1990. – № 7. – P. 147–178.
12. Bartholomew, K. From childhood to adult relationships: Attachment theory and research / K. Bartholomew // *Learning about relationships*. S. Duck (Ed.). – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 30–62.
13. Bartholomew, K. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model / K. Bartholomew, L. Horowitz // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1991. – № 61. – P. 226–244.
14. Feeney, J.A. Emotion in close relationships / J.A. Feeney, P. Noller, N. Roberts // *Handbook of communication and emotion: Research, theory, applications, and contexts* / P.A. Andersen, L.K. Guerrero (Eds.). – San Diego, CA: Academic Press, 1998. – P. 473–505.
15. Collins, N.L. Cognitive representations of attachment: The structure and function of working models / N.L. Collins, S.J. Read // *Advances in personal relationships* / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA: Kingsley, 1994. – Vol. 5: Attachment processes in adulthood. – P. 53–90.
16. White, G.L. Jealousy: Theory, research, and clinical strategies / G.L. White, P.E. Mullen. – New York: Guilford Press, 1989. – 340 p.
17. Buunk, B.P. Personality, birth order and attachment styles as related to various types of jealousy / B.P. Buunk // *Personality and Individual Differences*. – 1997. – Vol. 23. – P. 997–1006.
18. Guerrero, L.K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy / L.K. Guerrero // *Personal Relationships*. – 1998. – Vol. 5. – P. 273–291.
19. Sharpsteen, D.J. Romantic jealousy and adult romantic attachment / D.J. Sharpsteen, L.A. Kirkpatrick // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 72. – P. 627–640.
20. Radecki-Bush, C. Predicting jealous responses: The influence of adult attachment and depression on threat appraisal / C. Radecki-Bush, A.D. Farrell, J.P. Bush // *Journal of Social and Personal Relationships*. – 1993. – Vol. 10. – P. 569–588.
21. Kuncze, L.J. An attachment-theoretical approach to caregiving in romantic relationships / L.J. Kuncze, P.R. Shaver // *Advances in personal relationships* / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). – Bristol, PA: Kingsley, 1994. – Vol. 5: Attachment processes in adulthood. – P. 205–237.
22. Guerrero, L.K. Attachment-style differences in intimacy and involvement: A test of the four category model / L.K. Guerrero // *Communication Monographs*. – 1996. – Vol. 63 (4). – P. 269–292.
23. Guerrero, L.K. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy / L.K. Guerrero, P.A. Andersen, P.F. Jorgensen, B.H. Spitzberg, S.V. Eloy // *Western Journal of Communication*. – 1995. – Vol. 59. – P. 270–304.
24. Фурманов, И.А. Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность / И.А. Фурманов // *Философия и социальные науки*. – 2015. – № 2. – С. 73–83.
25. Collins, N.L. Letter to Colleagues. August, 2008 [Electronic resource] / N.L. Collins. – Mode of access: [https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc](https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult_Attachment_Scale.doc). – Date of access: 05.03.2016.
26. Фурманов, И.А. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И.А. Фурманов, А.О. Вергейчик // *Психологический журнал*. – 2012. – № 1–2(31–32). – С. 81–89.
27. Фурманов, И.А. Стратегии коммуникативного контроля в межличностном взаимодействии / И.А. Фурманов // *Белорусский психологический журнал*. – 2004. – № 1. – С. 14–20.
28. Karairmak, Ö. Gender Differences in Attachment Styles Regarding Conflict Handling Behaviors Among Turkish Late Adolescents / Ö. Karairmak, N.O. Duran // *International Journal for the Advancement of Counselling*. – 2008. – Vol. 30(4). – P. 220–234.
29. Feeney, J.A. Assessing adult attachment: Developments in the conceptualization of security and insecurity / J.A. Feeney, P. Noller, M. Hanrahan // *Attachment in adults: Theory, assessment, and treatment* / M.B. Sperling, W.H. Berman (Eds.). – New York: Guilford Press, 1994. – P. 128–152.
30. Berger, C.R. Uncertain outcome values in predicted relationships: Uncertainty reduction theory then and now / C.R. Berger // *Human Communication Research*. – 1986. – Vol. 13. – P. 34–38.
31. Фурманов, И.А. Коммуникативные реакции на ревность в период ранней взрослости / И.А. Фурманов // *Диалог*. – 2015. – № 7. – С. 38–48.

Поступила в редакцию 03.09.2018 г.